

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА, ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 800:159.9

ББК 81.002.3

П 86

Б.Н. Псеунова

Особенности языкового сознания адыгов, русских и англичан

Аннотация:

Объектом нашего исследования является языковое сознание русских, адыгов и англичан. В качестве предмета исследования выступает национально-культурная специфика языкового сознания адыгов, русских и англичан.

Ключевые слова:

Сознание, языковое сознание, ассоциативный эксперимент.

В настоящее время одной из задач психолингвистики является изучение национально-культурной специфики языкового сознания носителей той или иной культуры, межкультурных различий. Именно различие национальных сознаний коммуникантов принято считать главной причиной непонимания при межкультурном общении [2, 14].

Исследования, проводимые в этой области, доказывают, что знания собственно вербального кода (языка) и правил его использования оказывается недостаточно для успешного общения с носителем того или иного языка, необходимо еще овладеть культурными знаниями того лингвокультурного сообщества, для которого используемый язык является родным [3, 9]. Овладение основами культуры того лингвокультурного сообщества, на языке которого ведется общение, является необходимым для успешности этого общения.

Мы попытались выявить то общее и специфическое, что реально присутствует в сознании русских, адыгов и англичан и неосознанно определяет поведение, оценки и отношение к миру.

В сознании отображаются явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в процессе деятельности и общения. Сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих. Поэтому оно становится объектом анализа только в форме культурных предметов и квази-предметов. В нашем исследовании язык выступает как средство доступа к сознанию. Образ сознания, ассоциированный со словом – это описание знаний, используемых коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений [4, 140].

Абсолютное большинство адыгов, в том числе даже не владеющих языком своей национальности, считают его родным. Большинство адыгов являются билингвами, знающими адыгейский и русский языки, другие являются монолингвами, говорящими только на русском языке. Взрослое поколение, проживающее в аулах, говорит на

адыгейском языке, однако чистыми монолингвами их назвать нельзя [1, 57].

Первым этапом явился сбор экспериментального материала. Затем – сравнение общего и специфического в языковом сознании адыгов, а) владеющих своим родным языком (далее -адыги 2), б) считающих русский язык своим первым языком (адыги 1); сравнение общего и специфического в языковом сознании русских, живущих в одном социуме с адыгами (русские 2), и русских, живущих вне данного региона (русские 1); выявление влияния русского этноса на адыгский и адыгского – на русский и отражение этого влияния в образах языкового сознания носителей контактирующих культур; ну и наконец сравнение общего и специфического в языковом сознании носителей трех культур: адыгской, русской и английской.

Материалом исследования являются результаты свободного ассоциативного эксперимента, в котором в качестве слов-стимулов выступают 35 слов, входящих в семантическое поле «Дом. Семья» Слова-стимулы взяты нами из списка в 108 слов, составленного в отделе психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН и используемого в кросс-культурных исследованиях в качестве стандартного.

Для сбора материала в исследовании был использован свободный ассоциативный эксперимент с фиксацией первого ответа. В эксперименте приняли участие 307 испытуемых: носителей адыгской и русской культур. Ими дано было 10 085 слов-реакций.

На первом этапе нами были составлены ассоциативные словари для трех групп испытуемых для 35 слов-стимулов (см. Ассоциативные словари в Приложении) и проведен сопоставительный анализ содержания образов языкового сознания русских, адыгов и англичан. На втором этапе нами был проделан анализ структуры ассоциативных полей слов-стимулов.

В качестве примера рассмотрим слово-стимул *ребенок / сабий / child:*

Для русских 2, адыгов 1 и 2 **ребенок** воспринимается, прежде всего, как *маленький/цIыкIу* (20, 15, 19). Данная реакция является самой частотной. Для русских 2 и адыгов 1 **ребенок** – это *мальш* (12, 8), а для адыгов 2 *дахэ/красивый* (9). Для адыгов 1 **ребенок** – это *радость* (8), *счастье* (6), *дитя* (5), сама жизнь (4), далее *младенец* (3). Он также *кукла* (2), *мальчик* (2), *плачет* (2). У русских 2 **ребенок** *хорошенький* (7) и *дитя/дите* (10). И у русских 2 и у адыгов 1 **ребенок** внешне *красивый* (3, 2), он *ново-рожденный* (4, 1), *чадо* (1, 2).

Русские 1 испытуемые, так же, как и русские 2, адыги 1 и 2 представляют **ребенка** как *маленького* (79) прежде всего. Для русских 1, так же как и для русских 2 и адыгов 1, **ребенок** вызывает ассоциат *мой* (17). Хотя у русских 2 и адыгов 1 эта реакция не является частотной. Он *плачет* (13). Так же как и англичане, русские 1 противопоставляют ребенку *взрослого* (10). **Ребенок** – *милое* (9) *дитя* (9), олицетворяющее *счастье* (8). Он – *здоровый* (8), *капризный* (7) *сын* (7). Может быть *чужим* (6), *больным* (5).

Англичане, противопоставляя ему *adult/взрослого* (8), отмечают, что он *young/маленький* (7), *small/маленький* (6), *baby/мальш* (7). У англичан реакция *мой* (1) тоже нечастотна. Ими указываются такие характеристики **ребенка** как *infant/младенец* (5), *care/забота* (4), *kid/ребенок* (4), *man/человек* (4), *school/школа* (4).

Таким образом, объединяющим все группы испытуемых, является реакция *маленький*. В представлении русских 2 и адыгов 1 **ребенок** – это *мальш*. Для русских 2 **ребенок** – это *хорошенькое, красивое дитя*, которое доставляет *счастье*. Для адыгов 1 **ребенок** – это *радость*, для них он – *счастье, мальчик, растущий в семье*. Для адыгов 2 очень важно *иметь детей/сабий уиэн*, родить *ребенка/сабий бгъотын*, для них он – *гушIуагъу/радость, кIэлэцIыкIу/мальчик, нэнау/маленькое существо*, который приносит *насып/счастье* в *унагъо/семью*. Для них он *Iушы/умный*, который должен учиться в *еджапI/школе* но и в то же время *пэцIын/желторотый, шхъхъэубат/болтун*.

Англичане, прежде всего, противопоставляют ему *adult/взрослого*, и затем отмечают, что он *young/маленький, small/маленький* и *baby/мальш*.

При рассмотрении особенностей ассоциативных полей слова-стимула **ребенок** мы выявляем больше общего у носителей русской 1, русской 2 и адыгской 1 культур, чем адыгской 2 и английской. Англичане более сдержаны в оценках, а адыги более критичны. Наблюдается интересный факт в ассоциациях по отношению к ребенку у адыгов и англичан. Проведенное исследование показывает сдержанное отношение к процессу воспитания ребенка у обеих групп. Реакция «мой» отсутствует у адыгов 2 и англичан. Реакция «мой» на наш взгляд отсутствует у адыгов вследствие проявления свободного волеизъявления. Традиции народа передаются в воспитании детей. В основе воспитания детей лежит наглядный пример невербальных проявлений личностей. Скорее всего, этим и объясняется сдержанность и в какой-то мере критичность в проявлении эмоций в отношении к ребенку. В качестве примера можно привести факты из истории воспитания адыгов – это традиция аталычества, родители могли, уво-

дя из-под материнско-отцовской опеки, отдать детей на воспитание в другую семью, для сохранения объективно-го формирования качественных сторон личности.

По результатам нашего исследования мы не находим полного сходства образов сознания, стоящих за словом **ребенок** у адыгов 1 и адыгов 2. Скорее мы можем утверждать, что этот образ сознания адыгов 1 имеет больше общего с образом сознания русских 2.

Проанализировав материалы составленных нами ассоциативных словарей, мы приходим к выводу, что:

1.1. носители адыгской 2 культуры, прошедшие социализацию на родном (адыгейском) языке, в своем языковом сознании имеют образ семьи, свойственный традиционной адыгской культуре. К примеру, адыгов 2 отличается особое отношение к детям. **Ребенок** входит в ядро языкового сознания. Для адыгов 2 очень важно *иметь детей/сабий уиэн*, родить *ребенка/сабий бгъотын*, для них он – *гушIуагъу/радость, кIэлэцIыкIу/мальчик, нэнау/маленькое существо*, который приносит *насып/счастье* в *унагъо/семью*. Также адыги 2, как и адыги 1, русские 2 на слово **ребенок** дают реакцию *маленький*. В языковом сознании русских 2, 1 и адыгов 1 **ребенок** вызывает ассоциат *мой*. Для адыгов же 2 важно, что он *красивый*.

Особенностью адыгского 2 образа языкового сознания является и роль *дяди/тышы/нышы*. Однако у адыгов 1 и 2 **дядя** прежде всего *родственник* (24, 26). Для адыгов 1 и русских 2 он ассоциируется с *тетей* (15, 8). У адыгов 2 такая реакция встречается только один раз *саяншыпхъу/тетя по матери* (в адыгейском языке четко разделяются названия: *дядя по отцу* и *по матери*), у них он *сиI/есть*(4), для них он *благэ/близкий* (6), *кьош/брат* (5).

Примечательно, что проведенное исследование отражает определенную тенденцию в сознании адыгов 2 – склонность к патриархату. Об этом свидетельствует тот факт, что слово-стимул **тышы/нышы** вызывает реакции *Iахьыл/родственник* (26), *кьош/брат* (5), *лгъэкъ/род* (3), *хъяр/радость* (2) (радость по отношению к роду), *ины/большой* (почитание старшего), *шы/брат, кIалэ/юноша, сят/отец, ятэш/брат его отца* (проявление чувства самосохранения по мужской линии), *унагъо* – сохранение семейного уклада, *лгъэтэныгъэ/почитание, гуфэбэныгъэ/сердечная теплота* – опираясь на этнокультурные традиции, можно предположить, что *сердечная теплота* присуща мужской психологии у адыгов.

Также мы выявили следы патриархальной традиции в языковом сознании адыгов 2. Семью в адыгской культуре возглавлял старший по возрасту мужчина, обычно отец семейства. В языковом сознании адыгов 1 и 2 мы выявили также одинаковое отношение к религии. Для адыгов обеих групп **бог**, прежде всего *Аллах/Аллахь* (16, 15), затем *вера/шIошIыныгъ* (11, 7) и *всевышний/лганIэ (дорогой)* (9, 11).

1. Следует указать, что для языкового сознания адыгов 2 характерно слово-реакция *красивый*, которое не является частотным у других групп испытуемых. Это можно объяснить, опираясь на особенности традиционной адыгской культуры.

2. Мы можем утверждать, что в целом языковое сознание русских 2 и 1 сходно. Но и в то же время в образах сознания русских 1 более актуальными остаются традиции и обычаи русской культуры. К примеру, в образах сознания русских 1, в отличие от образов сознания русских 2, слово-стимул **муж** вызывает и ассоциат *отора*, он *главный*. Традиционно все члены семьи в русской культуре в экономическом и правовом отношении были подчинены главе семьи, кормильцу. Общеизвестно, что такой уклад жизни в современной семье практически не существует, однако мы можем утверждать, что на уровне языкового сознания культурные традиции все еще остаются актуальными.

3 Языковое сознание носителей английской культуры существенно отличается от языкового сознания носителей русской и адыгской культур. В языковом сознании носителей английской культуры со словами-стимулами, входящими в семантическое поле «Дом. Семья», соотносятся реакции – персоналии, т.е. те лица или предметы, которые непосредственно с ними связаны, в то время как в языковом сознании носителей русской и адыгской культур – в основном качественные оценки. Лишь для одного

слова-стимула **дядя** испытуемые всех групп показали солидарность в стратегии ассоциирования.

4. Изучение значений, овнешненных ассоциативными полями, позволило нам выявить знания, представленные в языковом сознании носителей русской 1, 2, адыгской 1, 2 и английской культур. Представляется необходимым отметить, что мы выявили ряд понятий, которые фиксируются на уровне языкового сознания, хотя в современной культуре этих народов они не актуальны.

Примечания:

1. Блягз З.У. О некоторых проблемах культуры родно и неродной речи в условиях билингвизма // Мысли об адыгских языках. Сб. статей – Майкоп: Меоты, 1994 – С. 54-60.
2. Тарасов Е.Ф. О формах существования сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 86-97.
3. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: 1996. – С. 7-22.
4. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. науч. тр. – М., 1996. – 139-163 с.